

УДК 130.2

ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ – ДВЕ ФОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Т. И. Липич

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
lipich@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается процесс становления русского национального самосознания. Анализируется взаимодействие литературы и философии на разных этапах развития русской культуры, а также изменение их роли в обществе. В статье отмечается, что философские и литературные сочинения в равной мере отвечали на запросы жизни и отражали главные национальные потребности, основными из них являлись освобождение человека, раскрепощение личности.

Ключевые слова: философия, литература, национальное самосознание, личность.

Весьма симптоматичным является тот факт, что в первой половине XIX в. русская литература неразрывно и совместно с философией становились формами национального самосознания. Путь этот был длительным и сложным, что неоднократно отмечали многие русские мыслители. Так, достаточно интересно и убедительно выглядят рассуждения по вопросу становления русской литературы и изменения её роли в обществе Е. А. Андреевича, содержащиеся в его работе «Опыт философии русской литературы». Характеризуя русскую литературу I половины XIX в., он выделял ее следующие отличительные черты: во-первых, это отрицательное отношение к системе официальной народности (государственности); во-вторых, господство освободительной идеи и служебная роль литературы, её стремление к проповеди, в-третьих, своеобразная опросительная форма освободительной идеи, выработанной в дворянской среде, идеализация мужика и общинно-земледельческого строя народной жизни.

Роль литературы в общественном развитии, начиная с Петра I, менялась. Но менялась не только роль, менялось и самосознание русских людей, особенно после военных, политических и культурных успехов во второй половине XVIII века. Историк В. О. Ключевский отмечал, что русские почувствовали себя не только людьми, но и чуть ли не первыми людьми в Европе. Поэтому новая русская литература европейского образца возникала не на пустом месте, так как она продолжала пользоваться многими прежними формами и традициями, выполняя при этом, по мнению Андреевича, определенную роль придворного служащего и занимаясь «оправданием воли монаршей». Главной темой для писателей этого времени являлась жизнь государства. В этот период литература целенаправленно начинает выполнять роль государственного служения. После Петра она меняет свои функции и становится в основном придворной, где лесть и подражание являются её отличительными особенностями. А. Н. Пыпин очень точно и красочно сравнил русскую литературу этого периода с верблюдом, покорно несущим чужие тяжести. И в этом он был во многом прав, так как не только литература, но и культура в целом, были подражательными. Об этом предупреждал Ломоносов, который считал, что для создания собственного литературного языка необходимо использовать исторический опыт западноевропейских литератур, и, прежде всего, немецкой, поэтому позднее и Карамзин не зря характеризовал эту эпоху как разрывающую связь между «умами древних» и «новейших россиян». И он же считал, что на пути подражательства можно обучиться только ремеслу, а обрести творческую, национальную самобытность нельзя. Эти идеи он высказал в своем произведении «Письма русского путешественника», в котором отражен путь русской литературы к достижениям европейской цивилизации. Сопоставляя различные европейские литературы, Карамзин в этой работе отмечает тот факт, что немецкая литература предстает

более молодой и философичной, нежели английская, она так же, как и русская, борется за самостоятельность, обращается к своим историческим корням и творит свой язык. Поэтому, считает автор, она близка русской литературе и культуре. Карамзин в своем путешествии встречался с философом и историком Гердером, который высказывал много интересных и ценных идей о развитии мировой культуры и литературы, где каждая национальная литература вносит свой вклад в мировое развитие. Это были очень плодотворные идеи для развития русской культуры. В это же время Карамзин пишет свои пророческие слова о том, что русская литература уже участвует в мировом культурном развитии, идя к общим целям «путем своего века»: «Мы не хотим подражать иноземцам, но пишем, как они пишут: ибо живем, как они живут, читаем, что они читают; имеем те же образцы ума и вкуса; участвуем в повсеместном, взаимном сближении народов, которое есть следствие самого их просвещения.... А кто рожден с избытком внутренних сил, тот и ныне начав подражанием, свойственным юной слабости, будет наконец сам собою – оставит путеводителей, и свободный дух его, как орел дерзновенный, уединенно воспарит в горних пространствах» [1, с. 145].

Постепенно литература начинает играть совершенно иную роль в жизни общества. В перспективе обозначилась освободительная идея сначала общества, а затем и личности. Но по-прежнему литература развивается в очень сложных условиях преследований и приобретает суровый тон мученичества и подвижничества за идею, что порождает и высокий уровень моральных притязаний к самой себе. Литература обращалась к нуждам общества, к его интересам. Постепенно на первый план стала выходить личность со своей интимной жизнью, что и проявилось в сентиментализме.

Но наступает эпоха крутых преобразований, и общественная мысль не может оставаться в стороне от этого процесса. К примеру, в результате буржуазных революций во Франции свободная личность становится центром всех духовных поисков. Все, что таилось в человеке, вышло из плена наружу и стало искать свое воплощение, которое проявилось, прежде всего, в романтизме. Именно в романтизме личность, человеческое «я» были возведены в ранг божественного, выше этого не было ничего. На этих принципах строят свою философию Фихте, Шеллинг, романтики. Именно немецкая классическая философия в это время становится главным действующим лицом в развитии мировой культуры. Романтики приветствуют идею всеобщей изменчивости, борьбу с авторитетами, правилами. Они провозглашают идею гения, творчества, жажду действительной правды жизни, по стопам которой должно следовать искусство. Литература совершала революцию, ломку старых представлений о человеке, о жизни, об искусстве. Предметом романтической литературы становятся сильные страсти сильных и свободных личностей, чувство человеческого достоинства. Романтики провозгласили тезис о том, что все, что касается человека, достаточно высоко и заслуживает поэзии. Человек нового общества должен обладать свободным духом, благодаря которому предоставляется возможность заниматься свободным творчеством, искать для своих сюжетов нечто необыкновенное и из средневекового прошлого, и из реальной жизни. Этим они раздвинули до бесконечности границы искусства, а также предложили особый взгляд на поэта как на жреца, пророка. Романтики мечтали о возрождении человечества, и в этом своем стремлении они представляли себя, по меткому выражению Андреевича Е. А., жрецами нового мира, нового человечества. П. Лавров отмечал: «Романтизм пытается в работе мысли вообще, в формах культуры и в самом творчестве общественных форм доставить преобладание элементу эстетическому, создать из поэтов и художников новое светское духовенство, продолжающее в новом обществе ту роль, которую романтики приписывали в своем воображении пророкам и магам давно минувшего времени» [2, с. 88].

И этим светским духовенством становится, как было отмечено, среднее дворянство, соприкоснувшееся после 1812 г. вплотную с Западом, его культурой, его достижениями в области литературы и философии. Патриотический подъем после победы сформировал новое свободное мироощущение и мировосприятие, которое вылилось в

движение декабристов. Рылеев, Пушкин, Лермонтов, кн. Одоевский, Чаадаев, Веневитинов, Хомяков, Киреевский, Тютчев, Боратынский – вот плеяда мыслителей, чье творчество сформировала эпоха, насыщенная свободолобивыми идеями – эпоха романтизма.

В 1920-40-е гг. интерес к литературе и философии Германии достигает своего апогея. Павлов Н. Ф., известный писатель-романтик, так же как и Белинский, считали эту эпоху переломной. Объясняли они это тем, что «являлись вполне развитые личности, принявшие на себя все стихии её жизни, весь плод пережитых ею законов, нравов, идей и сознавшие их дальнейшую несостоятельность» [3, с. 263].

Но в это же время проявляется и обратный процесс, то есть, на Западе, и в Германии, в частности, возникает особый интерес к русской культуре и литературе, особенно это касалось русского романтизма. Об этом пишут подробно В.А. Десницкий, В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев, Н.Я. Дьяконова, П.Р. Заборов, В.Ю. Троицкий и др. Этот факт рассматривался и русскими писателями того времени Н.М. Карамзиным, А. Бестужевым-Марлинским и др.

В 1837 г. в Германии вышла книга очерков о русской литературе Г. Конига, в которой автор подробно останавливается на анализе духовных поисков русских писателей. В частности, он пишет: «Новое литературное поколение отличается от старого не только распространением немецкого вкуса и немецких литературных течений (романтики): оно стремится к более глубокому проникновению, к философскому обоснованию немецкого духа... Недостаточно было свести поэзию к одним только чувствам, как бы высоки и благородны они ни были, надо было примирить с чувством также и мысль и понять явления природы как символы духа» [4, с. 172 – 173]. В начале 1920-х гг. немецкая культура обращает внимание на достижения русских романтиков и во многом их использует. Особенно их интересует русская история, например, Гельдерлин для своего романа берет сюжет о восстании греков в Море, которое было поднято графом Алексеем Орловым, И.Г. Зейм пишет роман об императрице Екатерине II, о Павле I. В романтическом духе истолкованная русская история встречается у Ф. Рюкнерта, у К.Т. Кернера. В 1930-е гг. К.Л. Иммерман создает трилогию «Алексей», а также упомянутый уже в нашем исследовании А. фон Шамиссо с трилогией «Изгнанники» и др. Все эти примеры свидетельствуют об интенсивном диалоге между русской и немецкой культурами, которые обогащались в этом диалоге. И недооценивать роль этого диалога нельзя.

Поэтому, можно сказать, русская и немецкая литературно-эстетическая мысль развивали идеи, как русской, так и немецкой философско-эстетической культуры конца XVIII – нач. XIX века. Все же слова Андреевича, что русская литература «взошла на дрожжах Запада», во многом верна, как и справедлива другая его мысль, что первым её шагом была идея отделения личности от государства и пробуждения самосознания. Современный исследователь Т.И. Ходукина весьма красноречиво пишет, что русская литература XIX в. «из робкой ученицы начала века превратилась в уважаемого учителя и наставника, пройдя путь ускоренного развития от прозы Карамзина до прозы Чехова, сравнившись в романтизме с Западной Европой и обескуражив её своеобразием русского реализма» [5, с. 4]. Гете совершенно определенно оценил творчество русских романтиков, познакомившись с переводом С. Шевыревым своего произведения «Елена», отметив, что русский переводчик стремится не просто перевести, а усвоить себе переводимое произведение. Эти методом пользовались и другие русские романтики Пушкин, Чаадаев, Одоевский, И. Киреевский, которые много размышляли о том, что русская литература должна войти в круг европейских литератур. Их сплоченность по созданию национальной литературы имела определенные результаты. Вскоре произведения Пушкина, Гоголя, Одоевского, Жуковского, Тютчева и других русских романтиков становятся известны в Европе, и в свою очередь, стали оказывать влияние на развитие мировой литературы. В это время русская литература признается в Европе как самобытный культурный феномен. Это было результатом усилий многих русских писателей.

Постепенно литература становится носителем высших идеалов и ценно-

стей, а также советчиком во всех сферах жизни человека. Исходя из этого, писатели берут на себя своеобразную функцию «пророков» в своем отечестве. М. К. Мамардашвили, характеризуя русскую литературу XIX в., говорил, что она совершила «попытку родить целую страну из слов, из смыслов, из правды» [6, с. 187]. Насколько удачной была эта попытка? Действительно, литература выполняла в России важную мировоззренческую, методологическую, общественно-историческую функцию. Она воздействовала на сознание общества, расшатывала старые устои, подвела русскую мысль к осознанию необходимости построения своей собственной философии, т. е. обратиться к «вечным» и «проклятым» вопросам мироздания, а также разгадать тайну человека, загадку его судьбы. Кожин в свое время писал о том, что Пушкин и его соратники в России решили те самые задачи, которые выполнила на Западе ренессансная литература: они способствовали утверждению национального самосознания, освоению и осмыслению национального бытия народа, а также художественному «закреплению» суверенной личности, созданию литературного языка и классического национального стиля и т. п.

Но вместе с тем, литература и философия – это разные формы духовного освоения мира, бытия, человека. Между ними существует своеобразная разделительная линия или граница, так как каждая из них имеет свой предмет исследования, свои подходы, свой, в конце концов, категориальный аппарат. Но граница эта проницаема, в противном случае, они не могли бы плодотворно взаимодействовать между собой. Граница может выступать не только как разъединяющее начало, но и как объединяющее, тем самым, создавая почву для диалога и позволяя координировать, сопоставлять различные позиции. Граница между ними выступает как нечто взаимодополняющее, хотя они столь несводимы друг к другу, сколь и неразделимы. Такое «разграничение» в большой степени расширяет горизонты и литературы, и философии в отражении тех или иных проблем. Следовательно, философия не вытесняет литературу, а литература не стремится заменить собой философию. Они обе нуждаются друг в друге, общаются и ведут диалог, действуют по принципу взаимодополняемости. Более того, мы считаем, что этот диалог является источником саморазвития, как литературы, так и философии, и в конечном итоге, русской культуры. Конечно, философия, выполняющая роль мировоззрения, может оказывать воздействие на литературу, на искусство, делая его более интеллектуальным, тем самым искусство выполняет роль распространителя философских идей. Но с другой стороны, философский текст, участвующий в этом диалоге стремится к литературно-поэтическому выражению, т.е. философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы более глубоко и разнообразнее выразить бытие человека, его внутренний мир. О таком глубоком согласии философии и литературы писал в свое время С. Л. Франк: «Поэтому между художником и мыслителем существует органическое духовное сродство, в силу которого все подлинные и великие представители каждой из этих форм творчества не только как личности, в большей или меньшей степени, сочетают в себе оба духовных начала, но и имеют в себе именно их внутреннее единство, ибо оба рода творчества истекают в конечном итоге из одного источника, разветвлениями которого они являются» [7, с. 315].

На протяжении длительного времени была распространена точка зрения, согласно которой художественное творчество, и литература в том числе, развиваются автономно вне зависимости от философии. Но более поздние исследования дают возможность говорить о наличии двусторонней связи между философией и литературой, доказывают реальный вклад, который внесла философия в развитие литературы, а литература в развитие философии. Литература при этом является самым теоретическим видом искусства, который по своей сути приближается к форме философского дискурса, философской эссеистике. Как выразился Жак Деррида, литература всегда пребывает с одной стороны, в «предфилософском», а с другой стороны – в «постфилософском» состоянии ума. Философия и литература постоянно ведут диалог между собой, они нуждаются друг в друге, они стремятся к одной цели – к постижению последней истины, предельной сущности бытия. О соотношении литературы и философии вели

разговор участники круглого стола «Философия филологии», состоявшегося в 1995 году. Они анализировали цели и методы философского и филологического подходов в исследовании художественного текста. С. Зенкин и В. Подорога отмечали, что филология изучает филологический факт и потому стремится к конкретности, экстенсивности, а философия исследует философский факт и потому стремится к обобщениям и абстракциям. Но в основе творческого процесса той и другой науки лежит рефлексия, которая в конечном итоге приводит к диалогу культур, к диалогу рефлексий.

Известно, что поэтическое мышление всегда выступает в виде некоей рефлексии. Но если филология исследует систему художественности поэзии, то философия старается проанализировать само мышление поэта, его самосознание, его отношение к действительности. Г. Гейне еще в 1828 г. высказал мысль о том, что философствование не только не враждебно духу литературы, но и является её необходимым элементом, и что художественность только тогда становится подлинной, когда опирается на глубокий анализ действительности [8, с. 148 – 149]. В России эту мысль высказал В. Белинский, который считал, что поэтическое произведение по своему содержанию то же, что и философский трактат. При этом поэзию он понимал как «мышление в образах». Другими словами, Белинский выражал потребность осмысления действительности в художественной форме. Такая потребность порождалась эпохой, когда происходила «философизация русской классической литературы XIX века», как справедливо назвал её А. Е. Еремеев.

В конечном итоге, Белинский, творчески переработав известную ему философию Гегеля, смог выработать особую, национальную форму духовного действия от примирения с действительностью до необходимости её практического преобразования. Тем более, что на Западе XVIII в. был веком думания, а в России веком делания, отмечал Гачев Г. Д. [9, с. 58].

Если немцы теоретизировали, то французы воплощали в реальность эти теории, а в России соединились эти два типа действия. Россия вынуждена была в короткие сроки осваивать европейский теоретический опыт, сложную послереволюционную действительность, а также осмысливать собственную, для чего ей понадобился глубокий теоретический опыт немецкой классической философии. Карамзин так оценивал складывающуюся в конце XVIII в. в России ситуацию: «Мы взглянули, так сказать на Европу и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов её.... Хорошо и должно учиться; но горе человеку и народу, который будет всегда учеником» [10, с. 76]. За сравнительно небольшой промежуток времени Россия выходит из состояния ученичества и начинает работу по созданию собственной национальной культуры.

На основании этого, в России появляется потребность не только духовно-теоретической деятельности, но и духовно-практической, жизненно организующей деятельности. В этой ситуации литература начинает выполнять широкие функции в обществе: от «сферы абсолютного духа», куда входят и философия, и религия, до «сферы практического разума», куда относятся и мораль, и политика. Обобщая различные мнения о роли литературы в жизни России I половины XIX в., необходимо отметить, что её роль в обществе существенно изменилась от разновидности просвещенного досуга до важнейшей функции развития и распространения национальной культуры. В этот период она характеризуется, во-первых, повышением своего социального и морального статуса в обществе, во-вторых, она принимает на себя роль пророка, в-третьих, обращается к философским вопросам бытия и человека, в-четвертых, богоискательством, в-пятых, под воздействием литературы развивается не только философия, но и в целом, социально-гуманитарная мысль – эстетика, журналистика, критика, мемуаристика.

Таким образом, общая тенденция эпохи I половины XIX в., как в России, так и на Западе способствовала интенсификации размышлений о соотношении литературы и философии в последующем.

Что касается современных российских исследователей, то они много размыш-

ляют и спорят о соотношении философии и литературы. Например, процесс взаимодействия художественной литературы и философии рассматривают в своих работах А. В. Гулыга, Л. Я. Гинзбург, А. Э. Еремеев, Е. А. Маймин, Ю. Манн, Г. Менде, А. С. Колесников, М. С. Розанова, Л. А. Ходанен, М. С. Штерн и др. [11, с. 8 – 36]. О философском начале в литературе рассуждает А. Э. Еремеев. Он определяет «философичность» как «стремление к общему» через индивидуальное, что порождает качественно нового героя, в котором сосредотачиваются все основные идеи автора. Внутренние связи в литературе носят художественный, а не логический характер. Поэтому, делает вывод Еремеев, философичность русской литературы воплощается не только в идеях, проблемах, но и в специфике художественной формы, в своеобразии жанра, сюжета, повествования. В качестве источников «философичности» литературы он выделяет синтетический характер художественной деятельности, в которой соединяется духовное и практическое, сознание и бытие.

Колесников А. С., исследуя особенности современного развития художественной литературы, считает, что в XX в. философия соединяется с художественными формами слова для того, чтобы глубже и разностороннее выразить бытие человека. Но вместе с тем, резюмирует он, это не мешает философии и литературе по-своему отражать и осваивать мир [11, с. 8 – 36]. Также они обосновывают вывод о том, что проблема места и роли художественной литературы в истории философии, начиная с эпохи романтизма, пронизывает собой все гуманитарное самосознание европейской культуры, отражая происходящие в ней перемены.

На наш взгляд, это совершенно верная мысль, что именно романтизм на основе решения проблемы человека способствовал сближению философских идей и художественных образов, а также сближению философа с художником и побуждал последнего философствовать. Также большое внимание уделяют художественной литературе и представители отечественной религиозной философии, в работах которых подчеркивается ее органическая духовная связь с философией [17, с. 290 – 323], [18, Кн. III – IV], [19, Кн. 1], [20, с. 480], [21]. Но вместе с тем, справедливо отмечает исследователь этой проблемы А. В. Песоцкий [22, с. 19], к сожалению, обращение к феномену литературы в философских трудах фрагментарны и не имеют концептуального характера.

Мы должны отметить, что философия и литература – это все-таки две разные формы духовного освоения мира, но на разных этапах их диалог может быть более или менее продуктивным для развития культуры в целом. Тем более мы считаем, что и философия, и литература способствуют формированию духовного облика нации, действуют её нравственному воспитанию, ставят перед собой и перед обществом вопросы, на которые ищут совместные ответы. Таким образом, литература и философия как формы национального самосознания возникают тогда, когда народ начинает ощущать потребность в осознании самого себя, своего места в мире, когда совершаются радикальные изменения в мышлении, способствующие развитию разнообразных сфер общества. Поэтому прямые и косвенные литературно-философские диалогические отношения способствуют духовному единению и консолидации нации. Разнообразные по форме философские сочинения, как теоретические, так и поэтические, в равной мере отвечают на запросы жизни и отражают главные национальные потребности, среди которых основной является – освобождение человека, раскрепощение личности. Говоря словами современного поэта, «поэт в России больше, чем поэт».

Список литературы

1. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. – М.: Современник, 1982. – 351 с.
2. Андреевич Е. А. Опыт философии русской литературы. – СПб.: Знание. 1909. – 374 с.
3. Наше время. – 1860. – №17.
4. Konig H. / Literarishhe Bilder aus Russland. – Stuttgart, 1837.
5. Ходукина Т. И. Золотой век русской классики. – М., 2004. – 276 с.
6. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 362 с.

7. Франк С. Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. – СПб.: Наука, 1996. – 657 с.
8. Гейне Г. Собр. соч. Т. 5. – М.: ГИХЛ, 1958. – 742 с.
9. Гачев Г. Д. Образ в русской художественной культуре. – М.: Искусство, 1981. – 246 с.
10. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости. Избранные письма и статьи. – М.: Московский рабочий, 1976. – 351 с.
11. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А. С. Колесникова. Серия «Мыслители», выпуск 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 8 – 36.
12. Розанова М. С. Философия и литература: сравнение европейской и американской традиции. Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 99 – 103.
13. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. – М.: Наука, 1976. – 189 с.
14. Менде Г. Мировая литература и философия. – М.: Прогресс, 1969. – 175 с.
15. Гулыга А. В. Искусство в век науки. – М.: Академия наук СССР. Серия «Философия, экономика, право», 1978. – 182 с.
16. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. К 60-летию профессора А.С. Колесникова. Серия «Мыслители». Выпуск 3. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 8 – 36.
17. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского. Сочинения в двух томах. Т.2. – М.: Мысль, 1988. – С. 290 – 323.
18. Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. Русская мысль. 1918. – Кн. III – IV.
19. Булгаков С. Н. «Иван Карамазов как философский тип» // Вопросы философии и психологии. – 1902. Московское психологическое общество – Кн. 1.
20. Лосский Н. О. История русской философии. Пер. с англ. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
21. Розанов В. В. «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария». – СПб.: типография М.Меркушева, 1894. – 234 с.
22. Песоцкий А. В. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. Автореф. диссер. на соискание уч. ст. докт. филос. наук. / А. В. Песоцкий. – М., 2009. – Изд-во МГОУ. – 48 с.

LITERATURE AND PHILOSOPHY – TWO FORMS OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS OF THE FIRST HALF OF THE XIX-th CENTURY

T. I. Lipich

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
lipich@bsu.edu.ru*

The article deals with the process of formation of Russian national self-consciousness. Interaction of the literature and philosophy at different stages of Russian culture's development is analyzed, and also the change of their role in society. It is noticed in the article that philosophical and literary compositions equally answered inquires of life and reflected the main national requirements, the main of them were clearing and liberation of the person.

Key words: philosophy, literature, national self-consciousness, person.